

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Глашева Ахмеда Алабиевича на тему:
«Интерпретация фрагментов древнетюркских памятников X – XIV вв. в карачаево-балкарском лингво-культурологическом контексте», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (тюркские языки)

Диссертационная работа А.А.Глашева написана на всегда актуальную тему интерпретации темных мест в древних памятниках письменности. Зачастую такая интерпретация сталкивается со сложностями, вызванными отличиями культурного бэкграунда интерпретатора от того, который стоял за авторами письменного памятника. Разумеется, всяческие опыты, позволяющие применить культурологические знания в герменевтике, должны только приветствоваться, особенно, если это делается на таком солидном, поддержанном отличным знанием литературы вопроса, фундаменте, как мы видим в данном случае.

Ахмед Алабиевич Глашев давно уже приобрел известность как тонкий исследователь культур и словесности тюркских, в первую очередь кыпчакских народов. Несмотря на то, что иногда его решения по тем или иным проблемам бывают спорными, нельзя не восхищаться его широкой тюркологической образованностью, которая всегда способствует выбору каких-то свежих путей к решению филологических загадок. В настоящей работе мы видим лишь часть предлагавшихся им ответов на загадки тюркских памятников письменности.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении излагаются актуальность, новизна, общие сведения о материале исследования, положения, выносимые на защиту, из которых самым важным является обоснование важности междисциплинарного подхода, применяемого к толкованию памятника, о чем современные лингвисты нередко забывают. Первая глава содержит прекрасный, практически исчерпывающий обзор существующей литературы, касающейся изучения и проблем интерпретации памятников письменности, которые изучаются автором. Тут мне хотелось бы только подчеркнуть, что в историческом аспекте проблемы, связанные с культурологическим подходом к этим памятникам, слегка разнятся: если кыпчакские элементы Codici Cumanici дают основания предполагать, что язык, отраженный в нем, может быть прямо предковым по отношению к западнокыпчакским языкам, одним из которых является карачаево-балкарский, то язык (древнеуйгурский) текста сонника Ырк Битиг (фрагменты, идентичные этому тексту, найдены Потаниным у уйгуров Восточного Туркестана) не является таковым, хотя, конечно, элементы общетюркской культуры все равно релевантны для его толкования.

Во второй главе дан очень хороший обзор истории изучения карачаево-балкарского языка и его диалектов. Автор придерживается традиционных для карачаево-балкарского языкознания взглядов на конфигурацию генеалогического древа карачаево-балкарских диалектов, считая малкарский диалект (с. Верхняя Балкария) наиболее удаленным от остальных. Надо сказать, что экспериментально-фонетические исследования группы Электронного диалектологического атласа тюркских языков России последние годы

склоняют нас к тому, что фонетические отличия верхнебалкарского диалекта - результат позднего языкового сдвига, малкарский говор является результатом осетинского субстратного воздействия на говор хуламо-безенгийского типа (вопреки традиционному мнению, что хуламо-безенгийский представляет собой результат интерференции малкарского и баксано-чегемского). См. не попавшие в обзор работы: Дыбо А.В. Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне // Российская тюркология 2018, № 1-2(18-19). С. 16-28; Дыбо и др. Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // Oriental Studies, 2020, том 14, № 3, с. 696-713; doi: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-696-713. Но конечно, пока это предмет научной дискуссии.

В третьей главе разбираются два темных места из древнеуйгурского рунического памятника Ырк Битиг и пять толкований загадок в памятнике половецкого языка Codex Cumanicus. Во всех случаях автор чрезвычайно остроумно применяет всю доступную ему информацию по особенностям тюркской материальной культуры и тюркского фольклора, в результате чего практически всегда получается весьма правдоподобное объяснение темного места. Здесь мы можем сделать лишь несколько замечаний.

с. 53-54: с благожелательной ссылкой на Н.З.Гаджиеву и на В.И. Филоненко упоминается образование инфинитива на -га (дательный падеж) от р-причастия как уникальная среди других тюркских языков особенность карачаево-балкарского языка. Автору следовало бы все же проверить это утверждение. Инфинитив на -рга свойствен среди литературных языков совр. хакасскому, шорскому, алтайскому, татарскому, тувинскому, якутскому. См. СИГТЯ Морфология с. 487.

С. 97 "В карачаево-балкарском языке кьуртха имеет следующую семантику: 'ведунья', 'вещунья', 'служительница культа', 'праматерь'" (со ссылкой на 2 издания фольклорных текстов). Все-таки в таких случаях (если речь идет о языке, а не о фольклоре) лучше ссылаться на какой-нибудь общезыковой толковый словарь. В ТСКБЯ т.2 (2002) на с. 710 находим как первое значение кьуртха - старуха /кьарт кьатын (устар.), вторым значением - вещунья, гадалка, предсказательница, третьим - = обур, оборотень, 4-м - хитрый, лукавый. Далее автор перетолковывает примету из Ырк Битиг как "жрица манихейского храма, оставшаяся на пустом становище, лизала масляную ложку и выжила", однако при таком толковании неизбежно встают вопросы, касающиеся древнетюркских обычаев: почему манихейская жрица осталась на покинутом становище, и от чего она вынуждена была спасаться, лижа масляную ложку; при толковании "старуха" таких вопросов не возникает.

С. 111. Диссертант соглашается с В. В. Радловым, что первое слово половецкой загадки следует читать *buğısız* "без бурава", что мы считаем совершенно правильным, но не принимает "конъектуру" Радлова *teşer* "продырявит" вместо *teser* (на том основании, что в некоторых западнокыпчакских языках $\text{ş} > \text{s}$). Но, во-первых, это трудно назвать конъектурой, поскольку в Кодексе, как известно, отсутствует регулярный способ записи различения *s* и *ş* в переднерядных словах. Кроме того, по фотокопии видно, что в цитате использованы два разных знака для обозначения сибилантов - *buğıfıf*, но *teSer*. Следовало бы проверить, не записывает ли *S* в этой части Кодекса всегда */ş/*.

В заключении сделаны выводы о необходимости воссоздания историко-культурного контекста при работе над толкованием текстов ранних тюркских памятников письменности. С этими выводами мы можем только согласиться.

Диссертация содержит 11 приложений, иллюстрирующих различные историко-культурные особенности, обсуждаемые в тексте работы.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Глашева Ахмеда Алабиевича на тему: «Интерпретация фрагментов древнетюркских памятников X – XIV вв. в карачаево-балкарском лингво-культурологическом контексте» соответствует специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (тюркские языки).

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Д.ф.н., чл.-корр. РАН, зав. Отделом урало-алтайских языков

Института языкознания РАН

2 апреля 2025

/Дыбо А.В./